

В.С. Болт*

РЕАКЦИЯ РУССКОЙ СТОЛИЧНОЙ ПРЕССЫ НА ИЗВЕСТИЯ О СМЕРТИ НАПОЛЕОНА

Автор статьи предпринимает попытку проанализировать первые публикации, появившиеся в течение лета 1821 г. в российских столичных газетах и журналах и освещавшие подробности смерти Наполеона Бонапарта и непосредственно связанные с ней события. Поскольку преобладающая часть опубликованного материала представляла собой переводы заметок из европейской, а именно - английской, французской и немецкой, прессы, приводимая в них информация отвечала, прежде всего, запросам европейских читателей и не может рассматриваться как свидетельство значительного интереса к случившемуся со стороны российских элит и российского общества в целом.

Ключевые слова: Наполеон, российская пресса, европейская пресса, наследие Бонапарта

DOI 10.32608/0235-4349-2019-1-52-300-312

Личность императора французов Наполеона I произвела в свое время огромное впечатление на русское общество. В течение его правления, а еще более, во время событий Отечественной войны и Заграничных походов имя его не сходило с уст каждого более или менее интересующегося политикой русского человека. Однако время шло, а оно, как известно, не щадит никого - ни самых великих, ни самых ничтожных. Проиграв в 1815 г. битву при Ватерлоо, Наполеон, повторно воцарившийся на французском престоле, повторно же его и потерял. Дальнейшая его судьба была уже не столь значима и для европейской, и для русской истории. Однако люди, места или события, приобретая символическое значение, теряют его далеко не сразу. В этом отношении смерть Наполеона I, а точнее реакция на нее в российской прессе представляет интерес как отражение эволюции в восприятии многогранного образа

---

* *Валентина Сергеевна Болт, младший научный сотрудник лаборатории Западноевропейских и средиземно-морских исторических исследований Государственного академического университета гуманитарных наук.*

Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 – 2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

французского императора после периода длительного информационного затишья, последовавшего за его ссылкой на остров Св. Елены.

В 2019 г. ведущий французский исследователь истории Первой империи, директор Фонда Наполеона Т. Ленц опубликовал специальное исследование, посвященное самой смерти Наполеона и распространению информации о ней по всей Европе¹. Настоящая же статья имеет целью анализ реакции российской прессы на это известие - сюжет, лишь бегло затронутый в книге французского историка.

Наполеон Бонапарт почил в бозе 5 мая (23 апреля по старому стилю) 1821 г. Российские газеты сообщали подробности, связанные с этим событием, ссылаясь на английскую, французскую и немецкую прессу², которая, в свою очередь, приводила свидетельства непосредственных участников событий. В качестве первичного источника «Санкт-Петербургские ведомости» упоминали капитана Кроката (Crokot), который на корабле «Герон» привез английскому правительству первое сообщение о кончине бывшего императора. Дополнительные подробности были получены из депеши Гудсона Лова (Hudson Lowe) английскому правительству³.

Раньше всех о смерти Наполеона сообщили «Санкт-Петербургские ведомости». В номере от 15 июля говорилось, что лондонские газеты написали о его кончине 6 июля по новому стилю (24 июня по старому стилю). То есть в России о случившемся узнали почти через три месяца. Следом за «Санкт-Петербургскими ведомостями» то же известие опубликовал «Русский инвалид» в номере от 17 июля⁴. «Вестник Европы» сообщил о случившемся в № 13, который был датирован первой половиной июля⁵. В журнале «Сын Отчества» новость появилась в № 29, то есть, примерно, в интервале с 18 по 24 июля.

До Москвы печальное известие шло и того дальше. Так, 13 июля «Московские ведомости» еще сообщали, что в Англию последние новости со Св. Елены приходили 25 апреля (по новому стилю) и не содержали «ничего утвердительного касательно Бонапарте.

---

¹ Lentz T. Bonaparte n'est plus! Le monde apprend la mort de Napoléon. P., 2019.

² К примеру, «Русский инвалид» пересказывал лондонскую «Придворную газету» (очевидно, имеется в виду *The London Gazette*). См.: Русский инвалид. 1821. № 166. 20 июля. С. 667; № 167. 21 июля. С. 672.

³ Там же. 1821. № 166. 20 июля. С. 667.

⁴ Там же. 1821. №164. 17 июля. С. 659.

⁵ Вестник Европы. 1821. № 13. Июль. С. 77.

Иные полагают, что он чувствует себя гораздо лучше и почти уже совсем выздоровел. Другие напротив хотят уверить, что Бонапарте умер, тотчас по переходе своем в новый дом» (здесь и далее грамматика и орфография сохранены оригинальными – *В.Б.*). Новость о смерти бывшего императора появилась на страницах «Московских ведомостей» только в номере от 27 июля, фактически через две недели после первых публикаций в Петербурге, также с отсылкой к сообщениям из Лондона от 6 июля (по новому стилю). К слову, даже в Кишинёв, где тогда находился А.С. Пушкин, это известие пришло раньше. Б.В. Томашевский, известный советский пушкинист, сообщает, что поэт в своих дневниковых записях сделал отметку о получении известия о смерти Наполеона 18 июля (по старому стилю)⁶.

Из публикуемых заметок очевидно, что длительная болезнь Бонапарта не была ни для кого секретом. «Сын Отечества» еще в № 21, то есть в интервале с 23 по 29 мая (по старому стилю) отмечал: «Пишут, что Бонапарте страждет водяною болезнью»⁷. Известия же о смерти Наполеона сопровождались пересказом таких подробностей, которые позволяли читателям во всех красках представить себе, сколь печальны были последние недели жизни умирающего изгнанника. «Санкт-Петербургские ведомости» описывали это так: «В течение сего времени [шести недель, которые продолжалась болезнь – *В.Б.*] он так похудел, что походил уже на скелет. Капитан Крокат <...> уверяет, что он так переменялся, что почти нельзя было его узнать. За несколько времени до своей кончины он часто разговаривал с своими врачами о качестве своей болезни, и сказал, что она перешла к нему от его отца, который умер от рака в желудке; а дабы уверить сына своего в справедливости сего предположения, он просил, чтобы по его смерти вскрыли тело его. Сие было исполнено, и желудок найден в совершенном загноении; некоторые места онаго были разъедены. Все врачи уверяют, что болезнь была неизлечима, и что оную не должно приписывать климату»⁸. «Буонапарте знал очень хорошо причину своей болезни и часто описывал ее окружающим его, но своих хирургов никогда не мог в том уверить. В начале своей бо-

⁶ *Шварцбанд С.М.* О «Наполеоне» А.С. Пушкина и «Разговоре в Кишеневе» В.Ф. Равевского // «Литературоведение как литература»: Сборник в честь С.Г. Бочарова / Отв. Ред. И.Л. Попова. М., 2004. С. 66.

⁷ Сын Отечества. 1821. № 21. Май. С. 46.

⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1821. № 56. 15 июля. С. 665.

лезни начал он описывать оную, и то, что он чувствовал в разные времена; описание сие продолжал даже за несколько дней до своей смерти. И назначил оное для своего сына»⁹.

«Московские ведомости», цитируя тот же источник, полностью воспроизводят этот текст в номере от 27 июля¹⁰, а в номере от 3 августа, ссылаясь на «здесьние [лондонские – В.Б.] листки», добавляют новые детали:

«Болезнь Бонапарта начали почитать опасною только в последние дни недели его жизни. В первые четыре недели его болезни еще не видно было никакой опасности, хотя он сам, как казалось, предвидел худое окончание оной. За пять или шесть часов перед своею смертию лишился он употребления чувств и перед сим временем дал повеление, касающееся до распорядка его бумаг. Хотя предполагают, что Бонапарте чувствовал сильную боль, однакож умер спокойно. Ни одного вздоха не вырвалось из стесненной его груди; он не показал ни одного знака, из коего бы можно было заключать о скорой его кончине <...>. Во все продолжение болезни своей Бонапарте страдал в особенности колющем в боку; но, почитая себя неизлечимым, редко соглашался принимать лекарство. Ко всем духовным обрядам оказывал он совершенное равнодушие, и Священник окропил его святою водою в последние только минуты, когда уже он лишился памяти»¹¹.

Не поскупился на подробности и «Русский инвалид», достаточно детально излагая результаты вскрытия тела Наполеона: «При вскрытии желудка оказалось, что оный наполнен был ракообразными нарывами; а особливо в нижней части онаго, где находилось отверстие, величиною с мизинец. Сердце найдено здоровым, но совершенно заплыло жиром. Печенка была также здорова; но левая селезенка имела необыкновенный вид»¹².

Столь подробное изложение подробностей болезни Наполеона дало повод обсудить в газетах соответствующую медицинскую тематику вообще. «Московские ведомости» от 3 августа опубликовали объемную заметку обо всех известных особенностях течения рака желудка: механизм распространения опухоли, симптомы, вероятность смертельного исхода и прочее. А начинается эта заметка со слов: «Так называемый желудочный рак есть болезнь,

---

⁹ Там же. № 58. 22 июля. С. 712.

¹⁰ Московские ведомости. 1821. № 60. 27 июля. С. 1691.

¹¹ Там же. № 62. 3 августа. С. 1765-1766.

¹² Русский инвалид. 1821. № 166. 20 июля. С. 667.

вообще мало известная, и обстоятельство, что Наполеон Бонапарт умер от нее, подало повод ко множеству вопросов и осведомлений со стороны тех читателей, кои не занимались Медицинскою частию»¹³. В итоге было сделано заключение о том, что рак – не наследственное заболевание. Таким образом, косвенно опровергалось предположение Наполеона, что ему не избежать недуга, ранее поразившего его отца. «Обыкновенные причины сей ужасной болезни – отмечали авторы – суть неумеренное питье водки, продолжительное внешнее давление желудка, посторонние тела, находящиеся в нем и пр.». Впрочем, едва не назвав Бонапарта пьяницей, авторы тут же поправились: «Нередко бывает она сопряжена с другими болезнями пищеварительных органов; что вероятно было и с Наполеоном»¹⁴.

Поставили под сомнение слова Наполеона о его наследственной предрасположенности в данному заболеванию и в № 14 «Вестника Европы», вышедшего во второй половине июля. Там была перепечатана заметка из некоего английского «антиминистерского» (то есть оппозиционного) журнала:

«”Слышал ли кто-нибудь, – восклицает премудрый издатель <...>, чтобы рак в желудке был наследственною болезнью? Какой врач посмеет объявить от своего имени, будто бы существуют в мире наследственные раки?” По мнению сего журнала, сочинители официального известия о смерти Буонапарта умышленно включили слово наследственный, дабы предварительно отвратить укоризну, будто бы падающую на правительство Английское за славного узника, умершего яко бы от нездорового климата»¹⁵.

Не меньшего внимания удостоилось и все происходившее на острове Св. Елены сразу же после смерти Наполеона. В заметке от 20 июля (1 августа по новому стилю) «Русский инвалид» подробно описывал комнату, в которой 6-7 мая было выставлено для прощания тело, его облачение, людей, собравшихся проводить бывшего императора в последний путь. Детально рассказывалось о церемонии захоронения 9 мая (27 апреля по старому стилю) и особенно о самом месте захоронения – небольшой долине на острове, где какое-то время проживал гофмаршал императора, генерал А.Г. Бертран. По словам авторов заметки, Бонапарт испытывал

¹³ Московские ведомости. 1821. № 62. 3 августа. С. 1770.

¹⁴ Там же. С. 1771.

¹⁵ Вестник Европы. 1821. № 14. Июль. С. 162.

особенно нежные чувства к этому месту, «нередко посещал его <...>. Каждый раз выпивал он стакан прекрасной воды из ключа, бьющего там под сенью печальных ив»¹⁶. Эти же сведения с некоторыми изменениями в формулировках сообщались и в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 22 июля¹⁷.

Сколь бы прозаичной ни выглядела информация о разъеденном язвами желудке и заплывшем жиром сердце бывшего императора, его смерть подвела черту под целой эпохой. Вся жизнь Наполеона представляла собою череду событий, значение которых распространялось далеко за пределы его личной биографии. Неудивительно, что кончина великого человека дала повод обсудить его наследие, как материальное, так и нематериальное.

Вслед за подробностями церемонии захоронения, появились известия о тех людях, кто унаследовал скудное имущество умершего. «Русский инвалид» 21 июля сообщает об этом сразу за описанием последних дней умирающего:

«Доктор Эрнотт получил от него в подарок золотую табакерку <...>. Сверх того оставил он сему Медику 500 наполеондеров. Камердинера своего Маршана наградил он весьма щедро и даже пожаловал Графом <...>. Кучеру своему, который некогда <...> спас ему жизнь своим проворством, оставил он также богатый денежный подарок. Все движимое имение, находившееся в доме Бонапарте, и в том числе драгоценные серебряный и фарфоровый сервизы достанутся, как уверяют, Генералам Бертрану и Монтолону <...>. Прекрасную табакерку, которую Наполеон получил некогда в подарок от Папы, отказал он Леди Голланд и вложил в оную небольшую записку на память к Лорду. Впрочем остальное содержание его завещания до сих пор сохраняется в тайне»¹⁸.

Эту же информацию 3 августа перепечатали и «Московские ведомости»¹⁹.

Большая и довольно критическая по отношению к Бонапарту статья появилась на страницах августовского номера «Вестника Европы». Как и прочие публикации, последовавшие за смертью императора, это была перепечатка из европейской прессы, в данном случае – из французского *Journal des Debats*. Текст начинался с таких слов:

---

¹⁶ Московские ведомости. 1821. № 62. 3 августа. С. 1771.

¹⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1821. № 58. 22 июля. С. 712.

¹⁸ Русский инвалид. 1821. № 167. 21 июля. С. 672.

¹⁹ Московские ведомости. 1821. № 62. 3 августа. С. 1766.

«Бонапарта нет на свете. Многие писатели принимались уже судить сего человека; имя Буонапартово повторяется и почтенным злопамятством пострадавших от него людей невинных, и постыдными хвалами рабов его и соучастников. Мы удержимся, не станем произносить собственного приговора, и послушаем, что говорит голос, выходящий из мрака могилы...»

Этим последним судьей, призванным вынести Наполеону смертный приговор перед потомками, должна была стать госпожа де Сталь. Она, по мнению авторов, имела «достохвальную судьбу терпеть частное, именно до лица ее относившееся гонение». Ко времени описываемых событий она уже ушла в мир иной, но оставила после себя воспоминания, опубликовать которые взялся ее сын, барон Сталь-Голштейн. Перепечатанная в «Вестнике Европы» статья *Journal des Debats* содержала краткое изложение некоторых идей писательницы, которые она высказала в своем знаменитом произведении «Десять лет изгнания». Приговор Жермены де Сталь Наполеону был суров: даже в своей манере держаться он, по ее словам, был неловок и дерзок, «с ухватками мещанина во дворянстве со всею наглостью тирана». Внешность его, как и манеры, симпатии не вызывала, а лицемеры, восхвалявшие его ногти, руки и улыбку, не заслуживают ничего, кроме жалости. Вторым затронутым в статье сюжетом была смерть герцога Энгиенского, убийство которого де Сталь назвала злодейством, в которое поверить было сложно и которым Бонапарт доказал, что сам, имея за плечами военные победы, «не умеет оказывать к ним должного уважения; ни прошедшее, ни будущее для него не существует; властолюбивая, все презирающая душа его ничего не хочет признавать священным во мнении: он уважает одну лишь настоящую силу <...>. Все оскорбил он одним поступком: оскорбил Европейское право народов, существовавшую тогда конституцию, общественную благопристойность, человечество, религию». Наследие, которое, по мнению де Сталь, Бонапарт оставил французам, да и не только им, заключалось «в бесчисленном множестве государственных темниц, пограничных цитаделей, сооруженных для безопасности государства и сделавшихся могилами его жителей»²⁰.

Не добавив ни слова от себя к размышлениям писательницы, авторы «Вестника Европы» не высказали и собственного отношения к ее словам: означала эта публикация немое согласие со всем

²⁰ Вестник Европы. 1821. Август. С. 201-206.

высказанным ею или просто констатацией бытующего среди французских интеллектуалов мнения – остается только предполагать.

Эта же заметка воспроизведена в августовском номере «Московских ведомостей», однако несколько иначе, нежели в «Вестнике Европы». В самом начале авторы сразу оговорили, что этот текст взят из парижского «Журнала Прений», который «вместо всякаго собственного суждения о Бонапарте, выписывает следующий отрывок из последнего сочинения г-жи Сталь»²¹.

Контрастирует с этой статьей заметка, появившаяся в августовском же номере «Московских ведомостей» в разделе «Разные известия». В ней нет указаний на заимствования из иностранной прессы, из чего можно предположить, что написана она была специально для русской столичной газеты. Как и Жермена де Сталь, автор размышляет о значении Наполеона для судеб миллионов людей, но уже с осознанием того, что бывший император умер (де Сталь писала свои мемуары задолго до смерти Бонапарта). В этих размышлениях он уже не предстает мелким, жестоким и самовлюбленным эгоистом. Автор с нескрываемым уважением называет его талантливым полководцем, наделенным как всеми необходимыми для этого качествами, так и сопутствующими этому таланту гордостью, властолюбием и тщеславием. Его «неистощимые планы», «страсть владычествовать», «мысль соделаться всесильным» сделали его глухим к нуждам миллионов людей и стали причиной «предприятий, целые годы потрясавших и истощивших вселенную; источником бесчисленных зол и ужаснейших несправедливостей, возбудивших праведное негодование в современниках». Однако, продолжает автор, казалось, само счастье было на его стороне и постоянно баловало его «безмерными своими дарами. К сему же содействовали и те, над коими он владычествовал. Мудрено будет решить: народ ли рабским своим повиновением питал и воспламенял более его тщеславие, или он блеском побед своих льстил тщеславию народа?».

Если размышления Жермены де Сталь, приводимые «Вестником Европы», можно смело назвать обвинением, то статья из «Московских ведомостей» вполне могла бы стать речью его адвоката, если бы Наполеон в таковом нуждался.

Следующая статья из того же выпуска «Московских ведомостей» уверяет, что сам Бонапарт, предчувствуя скорую кончину, по-

---

²¹ Московские ведомости. 1821. № 62. 3 августа. С. 1908.

пытался подвести некоторый итог собственной жизни и произнести небольшую речь, которую пересказал «Фоссовой берлинской газете» (*Vossische Zeitung*) «один весьма почтенный Немец, оставивший остров Св. Елены 10го мая». По его свидетельству, в ночь с 4 на 5 мая Бонапарт, совершив необходимые церковные обряды, с растроганным видом произнес такой монолог в присутствии одного из своих врачей: «Я сделал в жизнь мою множество ошибок и даже допустил некоторые преступления; но сердце мое в том не участвовало. Я сам находился в заблуждении. Ум мой не был еще довольно зрел; слава моя далеко превосходила мое благоразумие» и т.д. Закончил же, по словам автора, свой прощальный монолог Наполеон словами: «Простите, друзья мои и сподвижники, простите навеки, не пробуждайте меня более! Бог приемлет меня к Себе!»²².

Интересно, что российская пресса не пыталась акцентировать внимание на роли Наполеона в истории России. Так же как не пыталась использовать его образ для противопоставления кому-нибудь из отечественных героев, скажем, какому-либо из русских полководцев войны 1812 года. Единственное рассуждение на эту тему встретилось в небольшой заметке «Московских ведомостей» от 13 июля, еще до прихода известия о смерти бывшего императора: «Ни одно из последних происшествий нашего времени не имело столь решительного влияния на судьбу Наполеона, как Московский пожар. Тем более достойно замечания, что, по странному стечению обстоятельств, Граф Растопчин живет ныне в Париже в том же самом доме, из коего Бонапарте отправился в Италию, к первым своим победам...»²³. Фактически в тот период времени это была единственная и очень скромная попытка прессы напомнить в связи с биографией Наполеона о событиях Отечественной войны.

Между тем, сама биография Бонапарта активно обсуждалась. Так, в № 164 от 17 июля «Русский инвалид» опубликовал достаточно обширную статью, посвященную разбору сомнений «не только на счет года, когда он (Наполеон – В.Б.) родился, но даже и на счет его имени», высказывавшихся некогда во французских журналах²⁴. В № 29 «Сына Отечества» также вышла статья, общающая об основных датах биографии Бонапарта, правда, без каких-либо дополнительных комментариев²⁵.

²² Московские ведомости. 1821. № 62. 3 августа. С. 1906-1907.

²³ Там же. № 56. 13 июля. С. 1599.

²⁴ Русский инвалид. 1821. № 164. 17 июля. С. 659-660.

²⁵ Сын Отечества. 1821. Ч. 71. № 29. Июль. С. 133-135.

Не сообщали ничего российские периодические издания и об отношении российского общества к известию о смерти Бонапарта, но зато говорили о соответствующей реакции в других странах. «Московские ведомости» опубликовали одна за другой две небольшие заметки, которые, видимо, должны были продемонстрировать противоречивость отношения европейцев к пришедшим со Св. Елены новостям. Первая из заметок посвящалась генералу Раппу, который, по свидетельствам современников, был крайне опечален смертью экс-императора: он, «когда услышал о смерти Бонапарте <...> сначала не хотел тому верить; но когда ему сказали, что Король получил сие известие еще в ночь, то он не мог удержаться от слез и вышел из двора, сказав: “Я не из числа неблагодарных”». За меланхоличным сообщением о печали, испытанной бывшим соратником Наполеона после сообщения о его смерти, следует рассуждение о том, что «смерть Бонапарте вероятно весьма обрадовала жителей острова Св. Елены; ибо хранение сего важного пленника сопряжено было для них со многими неприятностями и прекратило все их торговые отношения <...>. Кажется, что Наполеон не имеет нужды в особенном памятнике; ибо самый утесистый остров, на коем сей ненасытный завоеватель окончил дни свои, служит уже поучительнейшим памятником и примером для потомства»²⁶.

Статья в июльском номере «Сына Отечества» также содержит мысль о том, что весь остров Св. Елены станет надгробным памятником Наполеону. Однако ее автор отнюдь не предполагает, что жители Св. Елены должны были с радостью воспринять известие о смерти знаменитого узника²⁷.

Русская интеллигенция на все эти сообщения в прессе, да и на само печальное известие со Св. Елены откликнулась весьма сдержанно. Н.И. Тургенев в своих дневниковых записях отреагировал на эту новость лишь краткой фразой: «Сей час я слышал, что присланный из Парижа курьер привез известие о смерти Наполеона»²⁸. А ведь Николай Иванович был одним из декабристов, которые нередко использовали образ Бонапарта в рассуждениях о судьбах Европы и России. Однако в многочисленных сочинениях современников очень трудно найти упоминания о судьбе

---

²⁶ Московские ведомости. 1821. № 62. 3 августа. С. 1769.

²⁷ Сын Отечества. 1821. Ч. 71. № 30. Июль. С. 180.

²⁸ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816-1824 годы / ред. Е.И. Тарасов. Т. 3. Петроград, 1921. С. 272.

Наполеона после низвержения, а тем более о его тихой смерти в изгнании. Свидетельствует ли это о том, что стареющего на острове Св. Елены Бонапарта в России забыли?

В статье, посвященной истории создания А.С. Пушкиным стихотворения «Наполеон», написанного как раз в 1821 г., С.М. Шварцбанд, известный исследователь творчества поэта, выдвигает предположение о том, что «имя опального императора в 1820-1821 гг. [до появления известия о его смерти – В.Б.] постоянно присутствовало при любом обсуждении основных политических событий» и, предвосхищая возникающий в этой связи вопрос, добавляет: «Думается, что имя французского императора в 1820-1821 гг., до смерти Наполеона, в Каменке, Киеве, Тульчине, Одессе и Кишиневе упоминалось значительно чаще, чем оно сохранилось в бумагах и переписке Пушкина, в воспоминаниях и дневниках его современников»²⁹. Иными словами, чего бы там исследователь ни предполагал, но факты упрямы: в своих дневниках и письмах современники на данную тему высказывались нечасто.

Как видим, российская пресса достаточно активно отреагировала на сообщение о смерти Наполеона Бонапарта. Однако основная часть появившихся в российских газетах и журналах соответствующих материалов была либо перепечаткой, либо пересказом статей из зарубежных изданий. Вероятно, именно с этим связана та нестройность, а иногда и нелогичность высказываемых соображений, что, в частности, проявлялось в публикации рядом критикующих и восхваляющих Наполеона текстов. Кроме того, распределение печатного пространства наглядно показывает, что читающую публику интересовали, прежде всего, бытовые подробности, связанные со смертью императора, церемонией его захоронения и передачи наследства, между тем как размышления о месте Наполеона в истории отходили на второй план.

Список литературы

Вестник Европы. № 13, 14. Июль 1821. [Vestnik Evropy. № 13, 14. Iyul' 1821].

Вестник Европы. № 15. Август 1821. [Vestnik Evropy. № 15. Avgust 1821].

Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816-1824 годы / ред. Е.И. Тарасов. Т. 3. Петроград: Академическая двенадцатая

²⁹ Шварцбанд С.М. Указ. соч. С. 60.

- государственная типография, 1921. [Dnevnik i pis'ma Nikolaya Ivanovicha Turgeneva za 1816-1824 gody / red. E.I. Tara-sov. T. 3.– Petrograd: Akademicheskaya dvenadtsataya gosudarstvennaya tipografiya, 1921].
- Московские ведомости. № 43. Май 1821. [Moskovskie vedomosti. № 43. Maj 1821].
- Московские ведомости. № 56, 60. Июль 1821. [Moskovskie vedomosti. № 56, 60. Iyul' 1821].
- Московские ведомости. № 62. Август 1821. [Moskovskie vedomosti. № 62. Avgust 1821].
- Русский инвалид. № 164, 166, 167. Июль 1821. [Russkij invalid. № 164, 166, 167. Iyul' 1821].
- Санктпетербургские ведомости. № 56, 58. Июль 1821. [Sanktpeterburgskie vedmosti. № 56, 58. Iyul' 1821].
- Сын Отечества. Ч. 70, № 21. Май 1821. [Syn Otechestva. CH. 70, № 21. Maj 1821].
- Сын Отечества. Ч. 71, № 29, 30. Июль 1821. [Syn Otechestva. CH. 71, № 29, 30. Iyul' 1821].
- Сын Отечества. Ч. 72, № 34. Август 1821. [Syn Otechestva. CH. 72, № 34. Avgust 1821].
- Шварцбанд С.М.* О «Наполеоне» А.С. Пушкина и «Разговоре в Кишеневе» В.Ф. Раевско-го // «Литературоведение как литература»: Сборник в честь С.Г. Бочарова / Отв. Ред. И.Л. Попова. М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. С. 59-74. [SHvartsband S.M. O «Napoleone» A.S. Pushkina i «Razgovore v Kisheneve» V.F. Ra-evskogo // «Literaturovedenie kak literatura»: Sbornik v chest' S.G. Bocharova / Otv. Red. I.L. Popova. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury; Progress-traditsiya, 2004. S. 59-74].
- Lentz T.* Bonaparte n'est plus! Le monde apprend la mort de Napoléon. Paris: Perrin. 2019.

THE REACTION OF THE RUSSIAN CAPITAL PRESS TO THE DETAILS OF NAPOLEON'S DEATH

The article is an attempt to analyze the first publications that appeared in the Russian capital's newspapers and magazines during the summer of 1821 and highlighted the details of the death of Napoleon Bonaparte and the events directly connected with it. Due to the fact that the prevailing part of the published material was a translation of articles previously published in the European press, namely English, French and German ones, the corresponding details answered, first of all, the requests of European readers and did not indicate a significant interest in the incident of Russians elites and Russian society as a whole.

Keywords: Napoleon, the Russian press, the European press, the legacy of Bonaparte

*Valentina Bolt,
Junior Research, Laboratory of Western European
and Mediterranean Historical Studies,
State Academic University for the Humanities*